

После пандемии: сценарии зеленой энергетики Европы

ВЯЧЕСЛАВ ПЕРМЯКОВ

Советник директоров компаний, PhD (Гентский университет, Бельгия)

Пандемия и карантин вынуждают весь мир и все сектора экономики пересмотреть свои планы развития на планы по выживанию. В предыдущий глубокий кризис 2008 года, вызванный финансовым сектором, многие страны Европы отказались от субсидирования зеленых проектов. Правительства этих стран поменяли цели и риторику на первоочередные цели выживания для населения и бизнеса. Отказ от субсидий на зеленую энергетику в 2008 году привел к банкротству частных энергокомпаний и списанию убытков по ветряным проектам у крупных корпораций.

Тем не менее кризис 2008 года всего лишь притормозил развитие ветроэнергетики в Европе, но не отменил сильный тренд роста возобновляемой энергетики. По факту Германия в 2020 году показывает свыше 50% потребления электроэнергии на основе ВИЭ.

Вызовет ли новый кризис отказ Европы от развития проектов по ВИЭ и водороду? Либо он всего лишь притормозит «зеленое» развитие похожим на кризис 2008 года образом? Или же, наоборот, придаст новый импульс развитию именно зеленой энергетики в отличие от традиционных угля, нефти, газа и мирного атома? И смогут ли энергетические компании сохранить баланс традиционного и инновационного развития в рамках зеленой экономики к 2050 году?

НОВЫЙ НЕОЖИДАННЫЙ СЦЕНАРИЙ

Внезапно обрушившееся потребление нефти ввиду повсеместно введенных жестких мер карантина в связи с быстрым распространением коронавируса оказалось тем фактором, о котором эксперты никогда и не подозревали как о потенциальном сценарии падения спроса на нефть. Вполне возможно, что уровень в 100 млн барр/сут., достигнутый в 2019 году, останется абсолютным максимумом потребления нефти в истории. Пик потребления предсказывался то на 2022 год, то на середину 2030-х годов, но если спрос не сможет восстановиться, об этих датах можно забыть. Вместо какого-то далекого полностью декарбонизированного 2050 года ситуация с «никому не нужной нефтью» случилась уже в 2020 году. Хотя некоторые эксперты называют это лишь стресс-тестом, и, по их мнению, худшее еще ждет мир впереди.

Вместо далекого декарбонизированного 2050 года ситуация с «никому не нужной нефтью» случилась уже в 2020 году

Впервые в истории биржевые фьючерсы на нефть приобрели отрицательную стоимость из-за отсутствия покупателей, а имеющиеся морские танкеры и хранилища нефти в мире оказались практически полностью заполнены. Бочка нефти стала стоить дешевле упаковки воды или туалетной бумаги. Возможно, следующим сильно упавшим в цене сырьевым товаром станут природный газ и СПГ – при скором заполнении имеющихся подземных хранилищ газа по аналогии с хранилищами нефти. Также, вероятно, могут сильно упасть цены на биржевые металлы ввиду медленного восстановления спроса.

При восстановлении спроса на энергоресурсы сначала будут расходоваться запасы из танкеров и хранилищ, поскольку эти объекты имеют высокую ставку аренды и несут ежедневные расходы, а только затем, вероятно, возникнет новый спрос на вновь добываемые нефть, газ и металлы.

СОХРАНЯТСЯ ЛИ «ЗЕЛЕНЫЕ» ПРИОРИТЕТЫ?

С таким дешевым топливом, кажется, нет никакого смысла развивать новые проекты в сфере солнечной и ветровой энергетики, а также зеленого водорода? Кто-то скажет, что энергопереход на безуглеродную энергетику откладывается на неопределенный срок. Нефть и газ, если они надолго останутся вдвое или втрое дешевле уровней начала 2020 года, будут продолжать покупать просто потому, что они дешевле новых источ-

ников энергии и не требуют новых капиталовложений. Правительства стран ЕС снова, как и в 2008 году, будут отменять субсидии на дорогостоящие зеленые проекты в угоду социальным проектам, выживанию экономик и созданию новых рабочих мест. А вот здесь, в сценарии с отказом Европы от энергоперехода, как ни странно, кроется подвох. И дело даже не в обязательствах Европы по декарбонизации к 2050 году и не в официальной программе Еврокомиссии по развитию зеленой экономики (так называемой Зеленой сделке).

Карантин, а не сам вирус, ударит сильнее всего по уровню безработицы во всем мире. Многие малые и средние предприятия закрылись на карантин, а некоторые из них уже никогда не откроются. Крупные корпорации во всем мире объявляют о планах по сокращению персонала или готовятся к процедуре банкротства. Не все компании смогут получить государственную поддержку, льготные кредиты или разместить свои облигации на рынке. В каждом конкретном случае основными вопросами будут вопрос сохранения квалифицированного персонала и вопрос потенциала технологического развития. Вряд ли государствам в эру постпандемии имеет смысл продолжать поддерживать на плаву давно устаревшие технологии или неинновационные компании. Пандемия предоставляет правительствам стран возможность выбирать, куда будут направляться инвестиции, а где просто будут тратиться – безвозвратно – государственные резервы. И то и другое необходимо сегодня, но первое перспективнее.

В этих условиях энергетические компании отменяют или существенно сокращают планы инвестиций в добычу полезных ископаемых, в первую очередь трудноизвлекаемых нефти и газа, и увеличивают инвестиции в инновации. Рентабельность капиталовложений в добычу нефти во времена низких цен на нее всегда падает ниже, чем рентабельность вложений в возобновляемую энергетику. Этот фактор является преимуществом при выборе в пользу проектов в сфере зеленой энергетики. И это не единственное преимущество.

УГРОЗЫ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Сегодня ключевым вопросом повестки дня у политиков любой страны становится вопрос создания новых рабочих мест. Львиная доля налоговых поступлений в развитых государствах идет от доходов работающего населения. При этом новые рабочие места не должны быть связаны с резким понижением уровня интеллекта – грубо говоря, не должны появляться новые вакансии только в сфере сбора урожая. Это приведет к деградации в развитии постиндустриального общества и сокращению экономики. Европе остро нужны высококвалифицированные, технические и инновационные рабочие места для продолжения инновационной модели развития.

Этот принцип лежит в основе экономического роста: быть первыми в инновациях, чтобы затем экспортиро-

вать их в другие страны. Именно экспорт высоких технологий является основой торговли стран ЕС и потенциалом создания новых рабочих мест. Размер такого экспорта некоторых небольших стран, таких как Бельгия, Люксембург и Швейцария, достигает 80–90% от всей их продукции. Настолько велика зависимость стран ЕС от технологического экспорта и настолько велика их уязвимость при падении спроса на технологии, автомобили, оборудование и другие товары с высокой добавленной инженерной и инновационной стоимостью. В отличие от государств, ориентированных на экспорт сырья, таких как Россия, Казахстан или страны Персидского залива, странам ЕС нужен импульс к развитию для выживания 500-миллионного населения Европы в период глобального кризиса, пандемии и карантина.

Мир уже вступил в период деглобализации, когда объемы экспорта и импорта товаров падают, а каждая страна встала на путь независимости от импорта товаров и услуг. Пандемия показала, что каждый сам за себя. В условиях сокращения экспорта внутренний спрос в ЕС на новые технологии создаст такое же количество рабочих мест, как и экспорт имеющихся технологий. Действительно, экономикам и бизнесам в ЕС придется адаптироваться к снижению экспорта товаров в третьи страны по причине уменьшения спроса и перепроизводства. Этот процесс начался еще задолго до карантина. Как в таком случае стимулировать внутренний спрос на высокотехнологичные товары?

Вряд ли государствам в эру постпандемии имеет смысл продолжать поддерживать на плаву давно устаревшие технологии или неинновационные компании

Самым простым способом сохранить внутренний спрос стала задача денег своему населению, всем гражданам без исключения, на поддержку того уровня жизни и трат внутри страны, который позволит гражданам не опускаться в потреблении на ступень ниже. Поскольку переход в потреблении от среднего класса в экономкласс принесет не только падение выручки и налогов, но и спиральное обеднение всего населения. С другой стороны, сохранение уровня расходов на каждого налогоплательщика страны создаст условия для более быстрого выхода из экономического кризиса, невиданного ранее по масштабам закрытия всей активности.

Формирование внутреннего спроса путем создания новых секторов экономики, а не только за счет поддержания старых (таких как строительство), является крайне выгодным вложением средств со стороны государства.

Инвестируя в зеленую экономику, страны ЕС смогут не только выполнить принятые на себя ранее обязательства по сокращению выбросов парниковых газов, но и развить новые технологии и лучшие практики их применения, которые затем будут продавать в третьи страны привычным для бизнеса ЕС способом, то есть на экспорт.

Экономике Европы даны отсрочка и шанс на более плавный и менее затратный энергопереход на зеленую экономику. Это возможно при продолжении использования традиционных энергоресурсов – подешевевших нефти, угля и природного газа

Такая ситуация крайне выгодна для развития новых водородных технологий и пилотных проектов внутри каждой страны ЕС – не только в энергетике, но и на грузовом транспорте, в системах отопления и в области перехода на водород крупных промышленных кластеров или портовой инфраструктуры. Количество новых технологий по использованию в промышленности водорода либо его производных (синтез-газа и метанола) резко выросло. И хотя общее потребление водорода пока не превышает 1% от всех энергоресурсов, инвестиции стран и компаний в инфраструктуру и водородные технологии делают именно водород новым видом безуглеродного энергоресурса Европы. Попробуем рассмотреть несколько сценариев развития Европейского континента в эру постпандемии.

СЦЕНАРИИ ОТКАЗА ОТ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА

К чему может привести полный отказ стран Европы от планов по энергопереходу на период восстановления после пандемии? В этом сценарии потребление природного газа – транспортируемого как по трубопроводам, так и в виде СПГ – будет возрастать. Цена на газ сможет долгое время оставаться низкой, как по причине сжатия спроса со стороны промышленности и энергетики, так и из-за роста производства СПГ в мире.

Энергетика является здесь наиболее консервативной отраслью, поскольку население все равно будет потреблять электроэнергию, находясь в режиме ограничения передвижения, даже если находящийся на карантине коммерческий сектор снижает общее потребление электроэнергии на 15% и более. Холодильник и компьютер требуют электроэнергии, а интернет, как и еда, давно признаны базовыми потребностями человечества.

При этом уже очевидно, что меняются внутрисуточные графики спроса на электроэнергию, а пиковые часы нагрузки могут сгладиться настолько, что потребуются меньше резервной мощности электрической генерации для покрытия максимальной нагрузки. Именно природный газ выступал наиболее удобным видом сырья для генерации с целью покрытия пиковых нагрузок в сети. Угольная и атомная генерация давали стабильную базовую нагрузку, в то время как ВИЭ и газовая генерация являлись переменными.

Отсрочка может быть использована бизнесом и политиками Европы для продолжения получения выручки от традиционных энергоресурсов и растягивания во времени процесса инвестиций в новые энергоресурсы

При неизменности приоритета покупки электроэнергии, выработанной на базе ВИЭ, над остальными видами генерации и в условиях снижения уровня пиковых нагрузок уголь и газ станут основными конкурентами, в то время как атомная энергия станет слишком дорогой. При падении цены на природный газ часть угольной генерации станет невыгодна, в том числе по причине более высоких выбросов парниковых газов по сравнению с низкоуглеродным природным газом. В этом случае основным бенефициаром станет именно метан.

При сокращении добычи собственного газа в ЕС может резко вырасти потребление трубопроводного газа, импортируемого в рамках старых и новых проектов, включая проект освоения огромных запасов месторождения Левиафан на шельфе Израиля, Египта и Кипра и их транспортировки по трубопроводу EastMed (проект сооружения данной магистрали уже утвержден). Германия продолжает поддерживать проект «Северный поток-2», несмотря на критическую задержку в его строительстве и отказ регуляторов от предоставления данному проекту режима исключения из норм Третьего энергетического пакета ЕС.

Газовый бизнес Европы борется за сохранение выручки от традиционных технологий и ресурсов. Рынок СПГ при низких ценах на нефть может найти новый баланс цены в условиях сокращения производства попутного газа на сланцевых месторождениях США и увеличения количества терминалов по регазификации в Европе. Тем не менее рост цены на СПГ в Европе ограничен как низким спросом, так и большим предложением трубопроводного газа. СПГ и трубопроводный газ будут сильно конкурировать между собой, и неизвестно, какой вид энергоресурсов выигрывает.

В случае закрытия угольной генерации в странах Евросоюза Германии и другим странам континентальной Европы потребуются новые объемы природного газа взамен выбывающих объемов угля и сокращенных объемов атомной генерации (по аналогии с Великобританией, где энергобаланс страны кардинально изменился при полном отказе от угля). Остаются неопределенными уровни и глубина снижения потребления газа крупной промышленностью, включая металлургические и химические предприятия Европы. При падении глобального спроса на металл часть металлургических производств вынуждена будет сократить или закрыть линии и доменные печи, что уже происходит в режиме карантина. Производство удобрений и химическая промышленность сильно зависят от природного газа, поэтому падение этих производств приведет к уменьшению спроса на газ.

При теплых зимах в ЕС (как результат потепления климата) и заполненных хранилищах природного газа падение спроса – при сохранении производства газа и СПГ – увеличивает вероятность появления низких, или в моменте даже отрицательных, цен на газ. Это возможно с промежутком в несколько месяцев после возникновения отрицательных цен на нефть (в апреле 2020 года).

В сфере грузового транспорта и портовых операций основными энергоресурсами являются нефть и нефтепродукты. При сценарии сохранения на долгое время низких цен на нефть отсутствуют экономические стимулы к переходу этого сектора на водород и ВИЭ (при падении объема перевозок в результате спада в глобальной торговле). Сокращение выручки может привести к заметному уменьшению инвестиционных затрат на ВИЭ и остановке дорогостоящих проектов по созданию новой водородной инфраструктуры.

Настал идеальный момент для ускорения перехода на безуглеродные технологии и в энергетике, и в других секторах зеленой экономики

Согласно сценарию отказа от энергоперехода, проще и дешевле еще долгое время использовать традиционные уголь, нефть и природный газ – вплоть до восстановления мировой экономики. Однако в этом сценарии не принимаются во внимание климатические цели ЕС и принятые законы о сокращении эмиссии парниковых газов и декарбонизации экономики к 2050 году, а также уже осуществляемые в Германии, Нидерландах и других странах проекты по переводу газовой инфраструктуры на водород.

А сможет ли Европа отказаться от «климатических» законов ради временной выгоды от низких цен на газ

и нефть при необходимости выживания своих экономик в условиях пандемии и карантина? Ответ, очевидно, не в пользу сценария полного отказа от энергоперехода. Европа анонсировала Зеленую сделку – пакет мер по стимулированию энергоперехода на ВИЭ и водородную экономику. Одной из таких мер станет введение таможенных барьеров для продукции и энергоресурсов, содержащих значительный углеродный след. Другими словами, импортируемый товар или энергоресурс будут облагаться неким пограничным сбором, что при низких ценах на природный газ делает импорт в ЕС еще менее рентабельным. Каким образом этот след будет определяться и тарифицироваться на входе в ЕС – пока неизвестно. Очевидно лишь то, что промышленность, банки и политики Европы оценили перспективы и возможности энергоперехода, в том числе в плане создания новых рабочих мест и новых источников доходов и налогов для стран ЕС. Ни пандемия, ни карантин не смогут помешать бизнесу и политикам Европы продолжать формировать и развивать высокодоходную зеленую экономику. О создании миллионов новых рабочих мест уже сказано как о первоочередной задаче политиков ЕС, и это будут высокоинтеллектуальные профессии и технически инновационные рабочие места.

По факту дебаты сегодня идут вокруг деталей новой зеленой экономики. Например, Германия отложила на пару месяцев принятие ключевого положения по серому водороду, получаемому из природного газа. Если будут поддержаны только зеленый и голубой водород, увы, часть планов ПАО «Газпром» и других потенциальных экспортеров серого водорода будут положены в долгий ящик. Предыдущая риторика, всего полгода назад, сводилась к тому, что весь водород – серый, голубой и зеленый – будет иметь спрос в Германии.

Компаниям придется не только адаптировать свои стратегии в русле новой сделки ОПЕК++ по сокращению добычи, но и трижды просчитать, куда стоит инвестировать средства – в инновации или в поддержание на плаву

Экспорт смеси метана и водорода по трубопроводам пока также остается под вопросом. Европе гораздо выгоднее будет импортировать зеленый водород, получаемый из дешевой гидроэнергии стран Латинской Америки или солнечной энергии Северной Африки и ОАЭ, либо заниматься утилизацией углекислого газа в подземных хранилищах при производстве голубого водорода из газа внутри ЕС. Эта новая отрасль может создать тысячи рабочих мест на традиционных предприятиях.

СЦЕНАРИЙ ЧАСТИЧНОЙ ЗАМОРОЗКИ

Итак, со сценарием полного отказа от новых проектов, связанных с энергопереходом экономики и энергетики Европы на безуглеродное будущее, все более-менее понятно – отменить широко развернувшийся процесс и сотни проектов ничто не сможет. Но вот о скорости этого перехода никто ничего определенного сказать сегодня не готов. Прогнозы меняются ежедневно. Что произойдет, если пандемия и карантин затянутся или после снятия карантина пойдут вторая и третья волна пандемии и затем новый карантин? Некоторые бизнесы не смогут пережить повторный карантин и больше не откроются. В этом сценарии какую-то часть зеленых проектов придется заморозить или перенести их реализацию на более поздний период. Этот сценарий кажется намного более реалистичным, чем полный отказ от энергоперехода.

По сути, экономике Европы даны отсрочка и шанс на более плавный и менее затратный энергопереход на зеленую экономику. Это возможно при продолжении использования традиционных энергоресурсов – вдвое или втрое подешевевших нефти, угля и природного газа. Такая отсрочка может быть использована бизнесом и политиками Европы для продолжения получения выгоды от традиционных энергоресурсов и растягивания во времени процесса инвестиций в новые энергоресурсы. Не нужно форсировать энергопереход и напрягать бюджет затратными проектами сразу и везде. Есть время на раскачку, чтобы оценить, какой путь и какие технологии могут дать больший мультипликативный эффект при наименьших инвестициях со стороны бизнеса и наименьших субсидиях со стороны стран ЕС. Много вопросов остается нерешенными, к примеру, стандарты и техническое регулирование, а также создание новой водородной инфраструктуры, включая заправки для водородных легковых автомобилей и грузового транспорта.

Более нельзя игнорировать огромную волну новых проектов в развитых странах ЕС, США и Азии. В прошлые нефтяные кризисы – 20 и 40 лет назад – именно водород оказывался в фокусе инноваций, инвестиций, государственных субсидий и грантов на исследования. Отличие сегодняшнего момента в том, что значительно увеличилось количество и качество доступных технологий, а также вырос общий объем инвестиций в зеленую энергетику во всем мире, включая страны АТР (в частности, Японию и Китай). Например, Австралия запускает производство водорода из угля с прицелом на экспорт в Японию. Кроме того, по оценке австралийских экспертов, эта страна может создать дополнительно 25 тыс. рабочих мест в сфере производства стали с использованием водорода. Действительно, зачем поставлять за рубеж базовые энергоресурсы, когда можно экспортировать продукт с высокой добавленной стоимостью, например сталь, произведенную без углеродного следа. Такой новый продукт будет возможно экспортировать в страны ЕС при условии принятия широко обсуждаемой сегодня Зеленой сделки.

Российская металлургия пока не готова производить такую сталь, а бизнес не готов вкладывать средства в реализацию непонятной климатической повестки, несмотря на ратификацию Россией Парижского соглашения. Видимо только когда российские металлурги получат при экспорте стали в ЕС счет на оплату тарифа за углеродный след, тогда и придет полное и абсолютное понимание важности Парижского соглашения. Австралийская стальная промышленность работает на опережение. Насколько важна для России скорость перехода на зеленую экономику ее торговых партнеров и насколько возможен сценарий ускорения такого перехода при принятии Зеленой сделки в ЕС?

СЦЕНАРИЙ УСКОРЕНИЯ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА

Фатих Бироль, глава Международного энергетического агентства (организация, созданной 50 лет назад, после нефтяного кризиса, в целях обеспечения бесперебойного снабжения энергоресурсами развитых стран Запада), называет нынешние времена уникальной исторической возможностью. Пакеты мер экономического стимулирования, которые каждая страна принимает в 2020 году, являются идеальными механизмами для ускорения перехода на зеленую экономику. Однако требуется толчок в этом направлении, говорит г-н Бироль.

Действительно, зачем вкладывать финансы в старые технологии или поддержание на плаву устаревших систем? Настал идеальный момент для ускорения перехода на безуглеродные системы и в энергетике Европы, и в других секторах зеленой экономики.

Каждый российский бизнес вынужден будет просчитать варианты наперед, а не ждать – вдруг кризис и пандемия отменят энергопереход

Автоматизация процессов и новые материалы значительно удешевили многие старые технологии, в том числе электролизеры для производства водорода из энергии ветра в моменты нулевой цены на эту энергию. Наконец-то электроэнергию можно хранить в виде водорода или его производных (метанола, аммиака или синтез-газа). Эффект масштаба в таких технологиях работает при кратном увеличении мощности установки и росте количества заказов на такие установки. Согласно экспертам МЭА, ускорение технологического прогресса приведет к тому, что системы, состоящие из ветряной установки и электролизера, уже в период до 2030 года смогут вырабатывать зеленый водород по цене, ниже чем у традиционных энергоресурсов.

Однако речь идет не только о зеленой энергетике, которая успешно развивается в ЕС, но и гораздо шире – о де-

карбонизированной экономике ЕС к 2050 году. Зеленая сделка ЕС является тем краеугольным камнем, на котором европейские страны смогут построить новую зеленую экономику. Благодаря этому они могут выйти из кризиса, вызванного пандемией, гораздо более сильными и придать импульс ускоренному переходу своих экономик на безуглеродные технологии во всех секторах, а не только в энергетике.

Если политики и бизнес договорятся, грядет не просто ускорение перехода на новую декарбонизированную экономику. Речь о переходе всех секторов – энергетике, транспорта, металлургии, химии, машиностроения – на безуглеродные принципы производства и работы. Технологии уже имеются, требуется лишь решение по внедрению инноваций сверху, как в случае с любым изменением системы с целью внедрения инновации.

В бизнес-школах такой процесс называют управлением изменениями, и каждый генеральный директор крупной компании пытается одновременно управлять двумя разными процессами. Один процесс направлен на получение выручки от традиционных технологий и хорошо работающих систем. Другой – нацелен на поиск и развитие новых технологий, которые позволят компании остаться на рынке при смене инновационного направления развития, либо даже на создание таких технологий на опережение, пока другие не создали их и не вытеснили компанию с рынка.

Европейские нефтегазовые компании давно представляют собой нечто гораздо большее – это по-настоящему диверсифицированные энергетические корпорации. Они продолжают зарабатывать на традиционных технологиях и комфортных бизнес-моделях, но при этом активно инвестируют миллиарды евро в водород и другие зеленые технологии. Такой принцип работы с инновациями является наилучшим способом снижения риска потери выручки или даже всего бизнеса в будущем. Европейские и глобальные энергетические компании это хорошо понимают.

Степень понимания этого процесса в российских энергетических компаниях оставляет внешнего наблюдателя в недоумении: как эти компании собираются выживать в условиях будущей зеленой экономики? Внезапно наступивший кризис спроса на нефть и газ сделал свое дело, и всем российским компаниям придется не только адаптировать свои стратегии в русле новой сделки ОПЕК++ по сокращению добычи, но и трижды просчитать, куда стоит инвестировать средства – в инновации или в поддержание на плаву.

Какие сектора будут развиваться в безуглеродном направлении быстрее, а какие медленнее, покажет время. Принципиально сценарий ускорения перехода реализуем при введении Зеленой сделки и развитии механизмов финансирования мероприятий по переходу. Европа готова потратить на эти цели €1 трлн. Вероятно, каждая страна будет самостоятельно определять, кто и каким образом будет получать гранты с условием создания новых квалифицированных рабочих мест.

РОССИЯ ПРИ ТРЕХ СЦЕНАРИЯХ

Пора признать, что один из главных торговых и экономических партнеров России в лице Европейского союза принципиально принял решение о переходе на безуглеродную экономику. Каждый российский бизнес вынужден будет просчитать варианты наперед, а не ждать, вдруг кризис и пандемия отменят энергопереход. Речь сегодня идет не о том, что придется потратиться. Вроде бы совсем недавно металлурги внедрили газовые печи, вложили огромные инвестиции в оборудование, которое еще не амортизировано и не окупилось. Речь о том, сохранится ли вообще этот бизнес (например, тех же металлургов) после перехода ЕС на зеленые принципы и импортные тарифы за углеродный след.

Сценарий отказа от энергоперехода ЕС нельзя рассматривать как авось пронесет. Даже наименее развитые страны Евросоюза – Польша, Чехия, Венгрия – будут строить свои планы в надежде получить львиную долю инвестиций от Зеленой сделки и уже названной суммы в €1 трлн. Что уж говорить о более развитых странах Северо-Западной Европы! Например, Германия и Нидерланды уже сегодня создают кольцевую магистральную сеть водородопроводов на основе опустевших газотранспортных сетей от истощившегося месторождения Гронинген в Нидерландах. Такая новая инфраструктура обеспечит необходимые условия для развития десятков и сотен проектов на территории Нидерландов и Германии по использованию трубопроводного водорода в различных секторах промышленности.

Возможно, пришло то время, когда обеим сторонам стоит пересмотреть принципы отношений и начать выстраивать широкий диалог, не только в секторе энергии, а по всем секторам экономики, вовлекая Россию в энергопереход ЕС к зеленой экономике

Другой важной составляющей зеленой инфраструктуры могут стать терминалы СПГ, которые могут быть модифицированы с минимальными затратами на прием жидкого зеленого водорода из Австралии, Латинской Америки или ОАЭ, а также производных водорода (зеленого метанола или аммиака). Все эти проекты активно развиваются, имеют стабильные источники финансирования и уже конкурируют между собой за право более широкого масштабирования в Европе и Азии.

Сценарий замедления перехода может быть выгоден России. Он способен дать энергетическому и металлургическому бизнесу шанс и время на построение консорциумов и новых бизнесов по экспорту зеленого водорода и модификации собственного производства с целью

уменьшения углеродного следа. Крупный российский бизнес всегда мыслил стратегически на много лет вперед, и, по-видимому, пришло время новой переоценки стратегий. Причем теперь нужна стратегия не развития на 10–15 лет, а выживания в условиях перехода Европы и Азии на безуглеродную экономику.

Сценарий ускорения перехода может быть опасен для некоторых российских бизнесов. Часть старых производств вынуждена будет закрыться из-за импортных пошлин, или им придется найти европейских партнеров, способных и готовых инвестировать в модернизацию устаревших производственных процессов с учетом новых зеленых принципов. Не все частные собственники крупного производства черных и цветных металлов готовы снова перестраивать свое производство. Многие из них в условиях постпандемии будут рассматривать варианты выхода из бизнеса, к которому они отдали 25–30 лет и много личной энергии. Здесь кроется огромный потенциал сделок слияний и поглощений. Одновременно появляются возможности расширения нового диалога для политиков евразийского континента.

НОВЫЙ ДИАЛОГ ЕВРОПЫ И РОССИИ

О том, насколько важным рынком для Европы являются Россия и страны бывшего СССР, может свидетельствовать факт переноса на их территорию большого количества производств в секторах базовых материалов за последние 25 лет. Однако давно обсуждаемая политиками тема построения общества и экономики от Лиссабона до Владивостока до недавних пор оставалась невостребованной. Европейский бизнес сам выстраивал выгодные схемы и контакты, без участия или даже вопреки участию европейских политиков. Возможно, именно пандемия и последующий кризис в Европе и России смогут реанимировать эту тему в умах политиков с обеих сторон. Пусть даже они будут руководствоваться не принципами партнерства и развития, а лишь сугубо целями выживания экономик разных стран общего континента.

Чуть более года назад, 15 марта 2019 года, Ассоциация «Познаем Евразию» при поддержке Банка Интеза организовала первый диалог «Соединяя Евразию – от Атлантики до Тихого океана». Мероприятие прошло в 300 метрах от здания Еврокомиссии в Брюсселе. Более 500 делегатов от всего европейского бизнеса, так или иначе работающего с Россией, прибыли в Брюссель из Германии, Италии, Франции и других стран. Делегаты приехали с целью не столько пообщаться с коллегами, сколько услышать от политиков и членов парламентов своих стран, как далее будет развиваться сотрудничество Евросоюза и России. Бизнес всегда найдет решение, если ему выгодно. Но отсутствие политического диалога о сотрудничестве и развитии делает задачу бизнеса крайне рискованной.

Возможно, пришло то время, когда обеим сторонам стоит пересмотреть принципы отношений и начать выстраивать широкий диалог, не только в секторе энергии, а по всем секторам экономики, вовлекая Россию в энергопереход ЕС к зеленой экономике.